

ИСТОРИЯ ИСТОЧНИКОВЪ РУССКАГО ЦЕРКОВНАГО ПРАВА

(Изъ лекцій покойнаго профессора Московскаго Университета, А. С. Павлова. ¹⁾)

II. История источниковъ собственно-русскаго церковнаго права.

§ 5 *Дѣленіе ея на періоды.* Въ исторіи образованія собственно-русскаго церковнаго права довольно рѣзко различаются три періода. Первый — отъ начала христіанства на Русь до второй половины XV вѣка, т. е. до эпохи установленія автокефальности русскои церкви, когда Русь и въ политическомъ отношеніи объединилась подъ властію московскихъ государей. Въ этотъ періодъ положены были первооснованія русскаго церковнаго права, преимущественно права внѣшняго, которымъ опредѣлялись своеобразныя отношенія нашей церкви къ гражданскому обществу и государству. Второй періодъ—отъ второй половины XV вѣка до эпохи церковныхъ и государственныхъ преобразованій Петра Великаго. Въ этотъ періодъ внѣшнія права и отношенія церкви опредѣляются хотя и на прежнихъ основаніяхъ, но уже съ болѣе точнымъ разграниченіемъ сферы церковной и государственной, и свѣтская власть пріобрѣтаетъ рѣшительное вліяніе не только на внѣшнія, но и на внутреннія дѣла и отношенія церкви. Въ третій періодъ—отъ эпохи церковныхъ преобразованій Петра Великаго до настоящаго времени—развились вся система дѣйствующаго нынѣ особеннаго права русскои церкви. Этотъ періодъ характеризуется тѣмъ, что церковь, оставаясь вполнѣ свободною въ своей чисто-духовной сферѣ, въ то же время по своему положенію въ области государственнаго права является только частію государственнаго устройства и управленія.

¹⁾ См. Февральскую кв. Богосл. Вѣстн. за текуцій годъ.

ПЕРЮДЪ I.

Отъ начала христіанства на Руси до половины XV в.

§ 6. *Церковно-правовые памятники государственнаго происхожденія: уставы древне-русскихъ князей.* Мы уже видѣли, что первые духовные іерархи, пришедшіе къ намъ изъ Греціи, принесли съ собою и свой церковный номоканонъ, и что съ появленіемъ у насъ національно-русской іерархіи появились и славянскіе переводы этого номоканона. Но греческій номоканонъ не могъ получить на Руси полнаго и непосредственнаго приложенія во всѣхъ сферахъ церковной жизни и дѣятельности. Не говоря уже о томъ, что гражданское законодательство номоканона, во многихъ отношеніяхъ, было совершенно чуждо юридическому быту и юридическимъ воззрѣніямъ древней Руси, самые церковные каноны, содержащіеся въ греческой синтагмѣ и въ принципѣ неизмѣнныя, должны были, при ихъ приложеніи къ жизни русскаго народа, вызвать нѣкоторыя новыя своеобразныя опредѣленія, которыхъ не знало греческое каноническое право. Впрочемъ, уклоненія русскаго каноническаго, т. е. *внутренняго* церковнаго права отъ греческаго, говоря вообще, были весьма незначительны, особенно въ настоящемъ періодѣ, когда русская церковь находилась въ зависимости отъ константинопольскихъ патріарховъ, получала отъ нихъ своихъ митрополитовъ и была одною изъ составныхъ частей царградскаго патріархата. Гораздо болѣе древняя русская церковь уклонилась отъ греческой въ области своего внѣшняго права, т. е. въ своихъ отношеніяхъ къ современному гражданскому обществу и государству. Эти отношенія опредѣлились хотя и по образцу греческаго номоканона, но—подъ преобладающимъ вліяніемъ условій мѣстной народной жизни, такъ что въ первоначальныхъ церковныхъ порядкахъ, установившихся на Руси, мы находимъ не мало такого, чего напрасно стали бы искать въ греческомъ номоканонѣ. Если не самое древнее, то самое полное свидѣтельство объ этихъ порядкахъ мы находимъ въ двухъ памятникахъ древне-русскаго церковнаго права, дошедшихъ до насъ подъ именемъ церковныхъ уставовъ первыхъ двухъ христіанскихъ князей Русі—Владимира и сына его Ярослава.

Вопросъ о происхожденіи этихъ уставовъ имѣлъ въ нашей ученой литературѣ довольно странную судьбу. Начинается эта литература съ „Исторіи государства російскаго“ Карамзина, который въ виду нѣкоторыхъ хронологическихъ и историческихъ несообразностей, представляющихся въ содержаніи того и другого устава, рѣшительно отрицалъ ихъ подлинность. Но послѣ возраженій на доводы Карамзина, сдѣланныхъ м-тами Евгениемъ кievскимъ и Макаріемъ московскимъ, въ особенности же Неволнымъ, въ нашей исторической литературѣ установилось такое мнѣніе, что оба устава въ общей основѣ своей, въ томъ именно, въ чемъ согласны между собою всѣ списки и редакціи ихъ, могутъ быть съ полною вѣроятностію приписаны тѣмъ великимъ князьямъ, имена которыхъ они носятъ на себѣ. Такъ было до 1880 года, когда вышелъ въ свѣтъ 1-й томъ „Исторіи русской церкви“ профессора Московской духовной академіи Е. Е. Голубинскаго. Почтенный авторъ этого капитальнаго труда въ самой рѣшительной формѣ высказалъ мнѣніе, что нужно опять возвратиться ко взгляду Карамзина, т. е. признать оба древне-русскіе церковные устава подложными. Въ частности о всякой дальнѣйшей попыткѣ защищать подлинность Ярославова церковнаго устава проф. Голубинскій отзывается, что это было бы „оригинальное упорство, и больше ничего“. На путь отрицанія, указанный этимъ авторитетнымъ ученымъ, не замедлилъ вступить профессоръ Ярославскаго юридическаго лица Н. С. Суворовъ. Въ своемъ изслѣдованіи подъ заглавіемъ: „Слѣды западно-католическаго церковнаго права въ памятникахъ древняго русскаго права“ (1888 г.) онъ отодвигаетъ эпоху происхожденія обоихъ уставовъ къ концу XIV в. и дѣлаетъ довольно прозрачный намекъ на м-та Кипріяна, какъ на лицо, прикосновенное къ этимъ подлогамъ. Таково послѣднее, въ хронологическомъ смыслѣ, слово науки по вопросу о происхожденіи занимающихъ насъ памятниковъ древне-русскаго церковнаго права, громадное историческое значеніе которыхъ не оспаривается даже и тѣми, кто отвергаетъ ихъ подлинность.

На чемъ же мы должны остановиться? Ни на томъ, ни на другомъ, по крайней мѣрѣ — виновѣ. Ученые, рѣшавшіе вопросъ о происхожденіи уставовъ Владимира и Яро-

слава въ томъ и другомъ направленіи, упустили изъ виду, что письменные памятники древности, подобные этимъ уставамъ, могутъ быть подлинными въ *матеріальномъ* отношеніи и неподлинными въ *формальномъ*. Т. е. они могутъ содержать въ себѣ юридическія нормы, дѣйствительно принадлежащія тѣмъ законодательнымъ авторитетамъ, которымъ приписываетъ ихъ данный памятникъ, но самое письменное изложеніе этихъ нормъ можетъ быть дѣломъ другой руки, современной или позднѣйшей. Пояснимъ это примѣромъ. Извѣстная статья Русской Правды: „По Ярославѣ же нацы совокупившесе сынове его Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ....., и отложиша убіеніе за голову, но кунами ся выкупати“—несомнѣнно содержитъ въ себѣ *подлинное постановленіе* Ярославичей; но запись этого постановленія, внесенная въ сборникъ Правды, очевидно, принадлежитъ не самимъ Ярославичамъ, а какому-то неизвѣстному лицу, можетъ быть одному изъ мужей, участвовавшихъ въ снемѣ, т. е. въ совѣщаніи Ярославичей. Пусть церковные уставы говорятъ о своихъ князьяхъ не повѣствовательнымъ языкомъ Правды, т. е. не въ 3-мъ лицѣ, а заставляютъ ихъ говорить отъ своего собственнаго лица: „Се язъ князь великій такой-то“; но если историческая критика находитъ въ законодательныхъ рѣчахъ того и другаго князя что нибудь такое, чего они сказать не могли, то она обязана относиться къ тексту обоихъ уставовъ такъ же, какъ и къ тексту Правды, т. е. видѣть въ этомъ текстѣ не болѣе, какъ постороннее и позднѣйшее свидѣтельство о законодательной дѣятельности Владиміра и Ярослава. Этотъ взглядъ, по отношенію къ уставу Владиміра, подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что названный уставъ, какъ ниже увидимъ, дошелъ до насъ не только въ видѣ церковно-уставной грамоты, изданной, будто бы, самимъ Владиміромъ, но и въ видѣ анонимной исторической записи о томъ, что сдѣлано въ пользу церкви первыми христіанскими князьями Руси вообще. Отсюда сама собою открывается необходимость отдѣлать вопросъ о происхожденіи и подлинномъ смыслѣ церковно-юридическихъ нормъ, записанныхъ въ томъ и другомъ уставѣ, отъ вопроса о происхожденіи и постепенномъ образованіи текста самыхъ уставовъ, какъ *письменныхъ* памятниковъ.

§ 7. *Уставъ св. Владиміра; историко-критическій анализъ его содержанія; происхожденіе этого устава.* Никто, конечно, не будетъ оспаривать безусловной необходимости для перваго христіанскаго князя Руси, для св. Владиміра, проявлять извѣстную законодательную или учредительную дѣятельность, направленную къ установленію и упроченію въ своей землѣ новаго порядка общественной жизни, согласнаго съ существомъ и предписаніями новой религіи. Общее и почти современное свидѣтельство объ этой дѣятельности находимъ и въ начальной лѣтописи и въ другихъ письменныхъ памятникахъ XI вѣка: такъ, въ похвальномъ словѣ митрополита Иларіона „кагану“ Владиміру говорится, что онъ часто „снямался“, т. е. совѣщался съ отцами своими епископами о томъ, какъ въ новообращенныхъ людяхъ „законъ уставить“. Естественно думать, что на этихъ именно частыхъ снемахъ Владиміра съ епископами и былъ постепенно установленъ тотъ порядокъ церковныхъ дѣлъ на Руси, какой изображается въ уставѣ, дошедшемъ до насъ съ именемъ этого великаго князя. Чтобы оправдать это предположеніе, сдѣлаемъ подробный историко-критическій анализъ всего юридическаго содержанія устава, которое, нужно замѣтить, во всѣхъ старшихъ редакціяхъ и спискахъ устава излагается совершенно одинаково.

Уставъ св. Владиміра по всѣмъ старшимъ спискамъ начинается постановленіемъ о церковной десятинѣ. Только запись этого постановленія въ уставѣ сдѣлана неправильно. Незвѣстный авторъ записи, составленной, вѣроятно, спустя около столѣтія послѣ Владиміра, смѣшалъ извѣстіе начальной лѣтописи о десятинѣ, данной Владиміромъ соборной Богородицкой церкви въ Кіевѣ (которая по этому и называлась Десятинною), съ обще-церковною десятиною, установленною тѣмъ же великимъ княземъ въ пользу учрежденныхъ при немъ въ разныхъ городахъ епископій и самой митрополіи, которая тогда находилась въ Переяславлѣ. О первой десятинѣ въ лѣтописи сказано, что великій князь далъ ее Десятинной церкви „отъ имѣнія своего и отъ градъ своихъ“, т. е. изъ своего личнаго движимаго и недвижимаго имущества. Вторая же, обще-церковная десятинна установлена была Владиміромъ отъ государственныхъ доходовъ князя—отъ *даней* и пошлинъ судебныхъ (вирь и продажь) и торговыхъ. Обѣ

этой десятины говоритъ и церковный уставъ, но говоритъ такъ, какъ бы и она была дана все той же кievской Десятинной церкви: „и дахъ ей десятину по всей земли русьтѣй: отъ всего княжа суда десятую вѣкшю, и изъ торгу десятую недѣлю“. Но что десятина установлена была Владиміромъ не только для одной кievской Десятинной церкви, а и для митрополіи и всѣхъ епископій, это видно изъ того, что въ нѣкоторыхъ памятникахъ XII вѣка, напримѣръ въ грамотѣ новгородскаго князя Святослова Ольговича, церковная десятина представляется исконнымъ „уставомъ“ на Русѣ. То же косвенно подтверждается примѣрами назначенія десятины разнымъ новымъ церквамъ и епископіямъ, возникавшимъ въ XI и XII столѣтіяхъ. Примѣры эти невольно заставляютъ предполагать существованіе для нихъ готоваго образца.

Установленіе десятины было, конечно, первымъ дѣломъ св. Владиміра, такъ какъ этимъ удовлетворялась самая насущная потребность церкви и духовной іерархіи—имѣть постоянныя и опредѣленныя средства своего содержанія. Но затѣмъ предстояла другая задача: опредѣлить съ возможною для того времени точностію кругъ вѣдомства церкви въ дѣлахъ русскаго общества, теперь уже христіанскаго. Объ этомъ свидѣтельствуетъ дальнѣйшая записъ Владимірова устава—„о судахъ церковныхъ“. Вотъ эти церковные суды:

1) *Роспутъ*, т. е. искн супруговъ о разводѣ и вообще дѣла бракоразводныя. Что дѣла эти съ самаго начала у насъ христіанства находились въ вѣдомствѣ церкви, видно, напримѣръ, изъ несомнѣннаго памятника русскаго церковнаго права второй половины XI вѣка—изъ каноническихъ отвѣтовъ митрополита Іоанна II, въ которыхъ запрещаются своевольные разводы.

2) „*Смилное заставанье*“—два термина довольно загадочные. Обыкновенно они понимаются въ смыслѣ преступной любовной связи, застигнутой *in flagranti*. Но сказать *смилное заставанье* въ смыслѣ *любовное заставанье* такъ же противно генію нашего языка, какъ и употребить выраженіе: татебное, убійственное, поджигательное заставанье. Нужно, значитъ, объяснять настоящія слова церковнаго устава какънибудь иначе. По нашему мнѣнію, уже печатно заявленному, *смилное* происходитъ отъ древне-славянскаго *мил* и

смило, которое, по употребленію въ Библии, значить *приданое* (*φερνί*), а *застѣванье* (обыкновенно произносимое съ другимъ удареніемъ: заставанье) — отъ слова *заставъ* или *застава*, которое въ древнихъ юго-славянскихъ переводахъ съ греческаго употребляется для передачи греческаго юридическаго термина *ἐνέχυρον* — закладъ (по старинному *зарядъ*), и съ тѣмъ же самымъ значеніемъ довольно часто встрѣчается въ южно-русскихъ и польскихъ юридическихъ памятникахъ. Такимъ образомъ, *смильное заставанье* должно означать брачный сговоръ съ назначеніемъ неустойки. — то же, что позднѣйшія *зарядныя записи*. По законамъ Льва Мудраго (нов. 74 и 109) совершеніе брачнаго сговора и самого брака было дѣломъ церковнымъ и въ Греціи.

3) *Пошибаніе* (по другимъ спискамъ *пошибѣніе*) и *умычка*. Въ такомъ порядкѣ стоятъ эти слова въ старшемъ спискѣ Владимірова устава, принадлежащемъ концу XIII в. Но въ нѣкоторыхъ спискахъ они стоятъ въ обратномъ порядкѣ, и въслѣдствіе того слово *пошибанье* ставится въ связь съ дальнѣйшими словами устава: „*промежи мужемъ и женою о животъ*“ и понимается въ смыслѣ драки мужа съ женою изъ-за имущества. Но въ памятникахъ древняго русскаго права, не далекихъ отъ временъ св. Владиміра, слово *пошибанье* (также какъ и стоящее рядомъ съ нимъ въ уставѣ *умычка*) обыкновенно употребляется въ смыслѣ преступнаго дѣйствія *только противъ лицъ женскаго пола*. Такъ въ мирной грамотѣ новгородцевъ съ нѣмцами 1195 года читаемъ: „Оже пошибаютъ мужеску жену, любо дщерь“ и пр. Или въ церковномъ уставѣ Ярослава: „Аже кто пошибаетъ боярскую дщерь, или боярскую жену“. Что *пошибанье* не значить здѣсь ударовъ, или побоевъ, какъ обыкновенно думаютъ, видно изъ того, что тѣ же самые памятники объ ударахъ и побояхъ, наносимыхъ лицамъ мужскаго или женскаго пола, говорятъ особо отъ *пошибанья* чужой жены или дочери и назначаютъ за это послѣднее преступленіе гораздо большую пою, чѣмъ за первое. Итакъ, *пошибанье* церковнаго устава св. Владиміра, по ясному смыслу приведенныхъ свидѣтельствъ, есть преступленіе, сходное съ *умычкой* по своему объекту (лица женскаго пола) и по мѣрѣ законнаго возмездія совершителю. Оно значить *изнасилованіе* чужой жены или дочери. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ спискахъ

и редакціяхъ Владимірова устава слово это сопровождается пояснительною замѣткою: „спрѣчь, аще кто дѣвницу растлѣтъ“.

4) *Промежи мужемъ и женою о животъ*. Мы сейчасъ видѣли, что предъ этими отрывочными и потому бессмысленными словами въ однихъ спискахъ устава стоитъ слово *улычки*, въ другихъ—*пошибанье*. Последнее чтеніе есть общепринятое и, конечно, останется таковымъ, пока слово *пошибанье* будетъ пониматься въ чуждомъ ему смыслѣ *драки, побоевъ*. Но мы уже знаемъ, что *пошибанье* такъ же мало идетъ къ словамъ: *промежи мужемъ и женою о животъ*, какъ и *улычки*. Остается, значить, предположить предъ этими словами или послѣ нихъ какой нибудь пропускъ. Миѣ кажется, что этотъ пропускъ всего проще и вѣроятнѣе можетъ быть восполненъ при помощи слова *промежи*, которое легко могло произойти изъ двухъ словъ, написанныхъ по старому обычаю слитно: „*пря межю*“. Косвенное подтвержденіе предлагаемой мною поправки находится, вопервыхъ, въ самомъ уставѣ св. Владиміра, гдѣ предлогъ *межи* употребляется и въ этомъ простомъ своемъ видѣ, т. е. безъ сложенія съ частицею „*про*“ („митрополитъ или епископъ *выдастъ межю* ими судъ“...); вовторыхъ—въ посланіи неизвѣстнаго Владимірекаго епископа конца XIII в. къ мѣстному князю: въ этомъ посланіи повторено почти все содержаніе Владимірова устава, и приведенныя слова его передаются съ такою прибавкою: „*промежю мужемъ и женою о животъ что будетъ рѣчь*“. Прибавка эта показываетъ, что авторъ посланія хотя и читалъ въ своемъ спискѣ *промежю*, но соединялъ съ своимъ чтеніемъ тотъ же самый смыслъ, какой получается и чрезъ мою поправку, ибо „*пря межю*“—тоже, что и „*рѣчь промежю*“.

5) *Въ племени или въ сватствѣ помрутся*. Сколько извѣстно, до сихъ поръ никто не сомнѣвался въ возможности и необходимости такой нормы уже во времена св. Владиміра, когда браки между близкими родственниками („въ племени“) и свойственниками („въ сватствѣ“) были на Русѣ довольно обычнымъ явленіемъ. Дѣла о такихъ бракахъ и у грековъ, въ эпоху обращенія Руси въ христіанство, были поделуны церковной іерархіи. Въ концѣ XI вѣка, спустя нѣсколько десятилѣтій послѣ смерти Владиміра, русскій митрополитъ

Іоанкъ II въ своемъ каноническомъ посланіи приводитъ относящіеся сюда греческіе церковные законы, какъ обязательные и для новокрещеннаго русскаго народа.

б) Разные виды волшебства. Едва ли нужно доказывать, что и эти явленія въ народной жизни уже при св. Владимірѣ сдѣлались у насъ предметомъ суда церковнаго. Церковный судъ вѣдалъ эти дѣла и въ Греціи. Только казнь волшебниковъ какъ въ Греціи, такъ и на Руси совершалась судомъ уголовнымъ. Въ уставѣ св. Владиміра исчисляются слѣдующіе виды русскаго волшебства: *вѣдьство*, *зелійничество*, *потвори*, *чародѣяннѣя*, *волхвованнѣя*, *урѣканнѣя три*: *бляднею*, *зеліи*, *еретичество*, *зуботѣжа*. „*Вѣдьство*“—знахарство вообще, знаніе таинственныхъ силъ природы, употребляемое какъ во пользу, такъ и во вредъ ближнимъ; *зелійничество*—знаніе цѣлительныхъ и вообще чудодѣйственныхъ свойствъ травъ; *потвори*—приготовленіе разныхъ волшебныхъ спадобій; *чародѣяннѣя*—способы приготовленія волшебныхъ лѣкарствъ; *волхвованнѣя*—въ сущности тоже, что вѣдьство. Дальнѣйшія слова: *урѣканнѣя три*: *бляднею*, *зеліи*, *еретичество*—несомнѣнно испорчены, и притомъ такъ, что возстановитъ первоначальное чтеніе уже нѣтъ возможности. *Урѣканнѣя* обыкновенно понимается въ смыслѣ укоризны или брани, и дальнѣйшія три слова принимаются за опредѣлительныя къ слову *урѣканнѣя*. Но въ старшихъ и лучшихъ спискахъ устава послѣднее слово—*еретичество* стоитъ не въ творительномъ падежѣ, какъ два предыдущія, а въ именительномъ, значить, оно не можетъ служить опредѣленіемъ къ слову *урѣканнѣя*, которыхъ такимъ образомъ получается два, а не *три*. Откуда же взялся общій счетъ *урѣканнѣя три*? Думаемъ, что этотъ счетъ произошелъ отъ какого-то недомыслія старыхъ переписчиковъ устава. Во всякомъ случаѣ счетъ этотъ не есть общая принадлежность всѣхъ списковъ и редакцій устава, точно такъ же, какъ и дальнѣйшее слово въ нѣкоторыхъ спискахъ читается не *бляднею*, а *бляденье*, т. е. не въ творительномъ падежѣ, а въ именительномъ. Въ виду этихъ данныхъ позволительно думать, что въ эпоху происхожденія церковнаго устава св. Владиміра слово *урѣканнѣя*, взятое само по себѣ, т. е. безъ навязанныхъ ему позднѣйшихъ опредѣлительныхъ реченій, означало то же самое, что сродное съ нимъ по своему корню *урокъ*, т. е. зловерный волшебный наговоръ. И замѣчательно: въ позднѣйшей ре-

дакціи Владимірова устава, озаглавляемой въ рукописяхъ: „Рядъ и судъ церковный первыхъ князей“, вмѣсто слова урѣканія стоитъ: *уроци*. Дальнѣйшее слово: *бляденъе* въ церковно-славянскомъ языкѣ значить вообще пустыя рѣчи, болтовню, а въ русскомъ оно обыкновенно употреблялось въ смыслѣ распутства. Взятое само по себѣ, оно, ни въ томъ ни въ другомъ значеніи, очевидно, не будетъ имѣть ничего общаго съ предыдущими и дальнѣйшими словами, означающими разные виды волшебства. Но если слѣдующее затѣмъ слово: *зелѣи* принять за опредѣлительное къ одному только существительному *бляденъе*, то получится понятіе или о волшебныхъ наговорахъ или нашептываніяхъ надъ травами, или о распутствѣ при помощи зеліи, т. е. приворотѣ къ себѣ женщинъ силою травъ. Перечень разныхъ видовъ волшебства оканчивается въ уставѣ словами: *еретичьство* и *зубоѣжа*. Еретиками народъ обыкновенно называетъ колдуновъ, и преимущественно оборотней. Безъ сомнѣнія, такой же смыслъ имѣло это слово (греческое) и во времена Владиміра, когда русскимъ было непонятно еще церковное значеніе *ереси*. *Зубоѣжа* обыкновенно понимается въ смыслѣ укушенія. Такое пониманіе, повидимому, вполне оправдывается одною статьею Ярославова церковнаго устава, въ которой говорится: „Аже мужа два бѣтася женьскы, либо одереть, или *укусить* епископу три гривны“. Согласно съ этою статьею, и въ одномъ изъ позднѣйшихъ списковъ устава св. Владиміра „зубоѣжа“ поясняется словами: „аще въ которой въ сварѣ кто кого зубомъ ясть“. Но почему бы укушеніе, какъ одинъ изъ видовъ личнаго оскорбленія дѣйствіемъ, должно было составлять предметъ церковнаго суда, а не княжескаго наравнѣ, на примѣръ, съ ударомъ мечемъ или палкою? Потому ли, что оно признавалось дѣйствіемъ *нравственно* неприличнымъ, особенно для *мужей*, которымъ, по смыслу приведенной статьи Ярославова устава, было не къ лицу биться „женьски“, именно—кусаться или царапаться („или одереть“). Но сомнительно, чтобы церковь, относя случаи укушенія къ предметамъ своего *общаго* суда, руководилась только *этими* народнымъ воззрѣніемъ, и чтобы, при существованіи такого воззрѣнія, кусанье въ ссорѣ или дракѣ все-таки было такимъ обычнымъ явленіемъ въ жизни нашихъ предковъ, которое должно было сразу обратить на

себя вниманіе духовной іерархіи, но на которое почему-то до сихъ поръ вовсе закрывалъ глаза свѣтскій законодатель. Напротивъ, вполне естественно предполагать, что „зубоѣжа“ Владимірова устава, если и была укушеніемъ, то не простымъ, а соединеннымъ съ особенною волшебною силою, которая причиняла укушенному вредъ „порчу“. Связь зубоѣжи съ волшебствомъ всего нагляднѣе представляется въ вышеупомянутомъ „Ряжь и судѣ церковномъ“, гдѣ „зубоѣжа“ стоитъ не на послѣднемъ мѣстѣ въ ряду другихъ видовъ волшебства (какъ въ спискахъ Владимірова устава), а на предшлѣднемъ, между „вѣдями“ (=вѣдьство) и „уроками“ (=урѣканія). Конечно, въ силу этой связи своей съ волшебствомъ, *зубоѣжа* и была отнесена къ предметамъ суда церковнаго, а не княжескаго. По той же причинѣ и простое укушеніе, о которомъ упоминается въ церковномъ уставѣ Ярослава, должно было казаться дѣйствіемъ противнымъ христіанскому чувству и свойственнымъ только вѣдьмамъ и колдуньямъ.

7) *Или сынъ отца бьетъ, или мать, или дщи* (или—прибавляютъ списки обширной редакціи—*сноха свекровь*), *братья или дѣти* (подразумѣвается—умершаго) *тяжуются о заднѣцю*, *церковная татба, мертвеца сволочатъ* (гробоконательство), *крестъ постыкутъ* (разумѣются кресты, которые ставились на улицахъ, на поляхъ и дорогахъ), *или на стѣнахъ рѣжутъ* (обезображеніе креста на стѣнахъ христіанскихъ домовъ), *скотъ или ны или поткы* (домашнія птицы) *безъ великѣ нужи введеть* (въ церковь), *или кто что неподобно церкви подѣветъ*, или — продолжаютъ только списки обширной редакціи— *два друга имѣти ся бити. единого жена иметь за лоно другаго и раздавить. или кого застануть съ четвероножиною, или кто молится пооз овномъ или въ роженнѣ, или у воды, или двѣка дѣтя повержетъ*. Этимъ оканчивается важнѣйшая часть церковнаго устава Владиміра, содержащая въ себѣ исчисленіе судовъ церковныхъ или предметовъ *общаго* церковнаго суда. По поводу сейчасъ исчисленныхъ предметовъ этого суда для насъ достаточно ограничиться однимъ общимъ замѣчаніемъ: нѣкоторые изъ нихъ прямо указаны были въ греческомъ номоканонѣ и вмѣстѣ въ Библии (побои, наносимые дѣтьми родителямъ, церковная татба, гробоконательство, неприличное защищеніе женою своего мужа въ бою, ското-

ложство, поверженіе матерью незаконно прижитаго ребенка; другіе отмѣчены въ нашемъ памятникѣ по указанію самой народной жизни, которая во времена Владиміра (и послѣ). конечно, нерѣдко представляла такіе случаи оскорбленія святыхъ и соблюденія языческихъ религіозныхъ обрядовъ, какіе исчислены въ уставѣ. Одинъ только пунктъ въ настоящемъ мѣстѣ устава возбуждалъ и возбуждаетъ сомнѣнія, которыхъ нельзя оставить безъ вниманія. Это—предоставленіе церковному суду тяжёбныхъ дѣлъ о наслѣдствѣ словами: „братья или дѣти тяжются о заднѣцу“. Какъ извѣстно, уже Карамзинъ указывалъ на несогласіе этого пункта съ Русскою Правдою, по которой дѣла о наслѣдствѣ представляются подсудными князю, и видѣлъ въ этомъ несогласіи одно изъ самыхъ сильныхъ доказательствъ подложности Владимірова устава. Въ новѣйшее время проф. Голубинскій, устраняя возраженія, сдѣланныя Карамзину защитниками подлинности устава (м-томъ Евгеніемъ, Неволнымъ и др.), высказалъ такое соображеніе: „Толковать слова Русской Правды: Аже братья растяжутся *предъ княземъ* о заднѣцѣ“—такъ, что тяжущимся предоставляется обращаться къ суду князя, если они не хотятъ идти на судъ епископа, натянуто и неосновательно. По характеру нашего суда, у насъ не могло быть того, чтобы тяжущимся было предоставлено по произволу обращаться къ тому или другому суду“ (Ист. р. церкви, т. 1, перв. полов., стр. 345). На это мы замѣтимъ, что и по уставу Владиміра дѣла о наслѣдствѣ не были совершенно изъяты изъ вѣдомства князя. Если тяжба о наслѣдствѣ возникала между братьями, изъ коихъ одинъ былъ церковный человѣкъ, а другой княжій, то для рѣшенія дѣла требовался уставомъ Владиміра „общій“ судъ, съ дѣлежомъ судебныхъ пошлинъ между судьями князя и епископа. А отсюда само собою слѣдовало, что если оба тяжущіеся были княжи люди, въ особенности близкіе ему, т. е. его дружинники, *заднѣца* которыхъ, можетъ быть, состояла большею частію изъ княжескихъ пожалованій, то споры объ ней рѣшались самимъ княземъ; равнымъ образомъ и тяжбы церковныхъ людей о наслѣдствѣ составляли предметъ исключительнаго суда епископовъ, какъ и сказано въ церковномъ уставѣ въ концѣ перечня людей церковныхъ. Но наряду съ этимъ ничто не мѣшаетъ предположить, что

уже при св. Владимірѣ бывали случаи рѣшенія духовнымъ судомъ тяжбъ о наслѣдствѣ и между княжими людьми и что именно подобный случай внесенъ въ уставъ въ видѣ общаго правила. Такіе случаи возможны были уже потому, что тогдашніе русскіе юридическіе обычаи, относящіеся къ области наслѣдственнаго права, были слишкомъ несовершенны сравнительно съ нормами этого права, содержащимися въ греческомъ номоканонѣ. Неудивительно поэтому, если въ первой половинѣ XII в. одинъ удѣльный князь— Всеволодъ новгородскій, встрѣтивъ въ своей судебной практикѣ случаи тяжбы „о животѣ“ между дѣтьми отъ одного отца, но отъ четырехъ матерей, затруднился рѣшеніемъ этого дѣла и особенною грамотою „приказалъ все то епископу управливати, а смотря въ номоканонъ“. Этотъ примѣръ для насъ весьма знаменателенъ. Изъ него ясно видно, почему дѣла о наслѣдствѣ, рано или поздно, должны были повсюду перейти въ духовное вѣдомство: дѣла эти находились въ тѣсной связи съ дѣлами союза брачнаго, который съ самаго начала признанъ у насъ институтомъ всецѣло церковнымъ. По греческому номоканону, отцу могли наслѣдовать только законныя его дѣти. Но дѣти отъ четвертаго брака, по тому же номоканону, не были законными, такъ же какъ и самыя браки ихъ родителей. Вслѣдствіе этого княжескій судъ по тяжбамъ о наслѣдствѣ между дѣтьми, происходящими отъ браковъ, которые съ церковной точки зрѣнія были ничтожны и недействительны (а примѣры такихъ браковъ въ тѣ времена были весьма часты), легко могъ становиться въ противорѣчіе съ церковными законами, на что, конечно, епископы и указывали князьямъ, побуждая ихъ, „во избѣжаніе грѣха“, передать дѣла эти въ церковное вѣдомство. Однако само собою понятно, что эта передача совершилась не вдругъ во всѣхъ областяхъ русской земли. Еще въ 1150 г. смоленскій князь Ростиславъ, учреждая въ своемъ стольномъ городѣ епископію, далъ епископу уставную грамоту, довольно сходную съ церковнымъ уставомъ св. Владиміра, но безъ отнесенія къ епископскому суду „тяжъ о задницѣ“. Такимъ образомъ, вышеприведенная статья Русской Правды (именно Правды XIII в.) не есть прямая отмѣна противоположнаго постановленія устава св. Владиміра, а есть только свидѣтельство о томъ, что это постановленіе еще не полу-

чило общеобязательной силы. Оно сдѣлалось общимъ правиломъ не прежде XIV вѣка. Старшее свидѣтельство объ этомъ находится въ грамотѣ митрополита Кипріяна объ усыновленіи бездѣтною вдовою приемыша съ правами законнаго наследника, исключаящаго всѣхъ другихъ наследниковъ самой вдовы и ея умершаго мужа.

Вмѣстѣ съ церковію и духовною іерархіей у насъ долженъ былъ появиться и особый разрядъ лицъ, служащихъ церкви и вообще стоящихъ къ ней въ особенныхъ отношеніяхъ. Сюда относилось, прежде всего духовенство мірское и монашеское: затѣмъ—всѣ лица, хотя бы и не духовныя, но исполнявшія разныя службы при церквахъ и духовныхъ іерархахъ. Наконецъ, уже при самомъ назначеніи церковной десятины имѣлось въ виду, что она должна была служить средствомъ содержанія не только церкви и духовенства, но также „вдовицъ и нищихъ“. Такимъ образомъ, уже при св. Владимірѣ могъ опредѣлиться въ общихъ чертахъ кругъ лицъ, которыя въ нашемъ памятникѣ названы „людьми церковными и богадѣльными“, именно: „игумень, попъ, дьяконъ, дѣти ихъ, понадея и кто въ клиросѣ, игуменья, чернецъ, черница, проскурница, паломникъ (по другимъ спискамъ—*псаломникъ*, т. е. пѣвецъ, что едва ли не вѣрнѣе), лѣбчець (лѣбкаръ отнесенъ къ людямъ церковнымъ, конечно, потому, чтобы народъ не ходилъ лѣбчиться къ волхвамъ), прощеникъ или, какъ въ псевдо—Всеволдовомъ повгородскомъ церковномъ уставѣ, пущеникъ (рабъ, отпущенный на волю въ церкви при жизни господина), задушный человекъ (вольнотпущеникъ ко духовному завѣщанію), сторонникъ (т. е. странникъ-богомолецъ), слѣпецъ, хромецъ, монастыреве, гостиницы, страннопримицы“. Люди церковные, по понятіямъ того времени, должны были стать въ подчиненіе церковной власти во *всѣхъ своихъ жизненныхъ отношеніяхъ* и быть подсудными ей въ дѣлахъ не только духовныхъ, но и гражданскихъ и уголовныхъ. Это именно и выражаетъ церковный уставъ словами: „митрополитъ или епископъ вѣдаетъ межю ими или судъ, или обида (имуущественный ущербъ), или котора (драка), или вражда (убійство), или задница: аже будетъ иному человеку съ тѣмъ человекомъ рѣчь, то общій судъ“.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о постанов-

леніи Владимірова устава, предоставляющемъ духовной іерархіи право наблюденія за вѣрностію торговыхъ мѣръ и вѣсовъ. Уже давно замѣчено, что это постановленіе находится въ связи съ постановленіемъ того же устава о церковной десятинѣ, источникомъ которой должна была служить, между прочимъ, „десятая недѣля изъ торга“. Поводомъ къ тому и другому постановленію послужило, конечно, то обстоятельство, что въ средніе вѣка во всѣхъ европейскихъ государствахъ торговля производилась обыкновенно около церквей, на церковныхъ площадяхъ, которыя поэтому и получили у насъ названіе *погостовъ* (отъ слова гость-купецъ). При церквахъ же хранились торговые вѣсы и мѣры, что само собою гарантировало ихъ вѣрность и давало духовенству право взимать за употребленіе ихъ извѣстныя пошліны деньгами или натурой. Въ уставѣ Владиміра пошліны эти имѣютъ видъ *десятой недѣли отъ торга*. Торговля на церковныхъ площадяхъ и храненіе торговыхъ мѣръ и вѣсовъ при церквахъ, но свидѣтельству памятниковъ XII и XIII в., были обычными явленіями и въ другихъ русскихъ городахъ, напр. въ Новгородѣ и Смоленскѣ. Поэтому нельзя съ рѣшительностію сказать, когда и гдѣ произошло разсматриваемое нами постановленіе устава св. Владиміра. Конечно, и въ Кіевѣ во времена св. Владиміра торговля производилась тоже при церквахъ. На это намекаютъ слѣдующія слова Титмара Мерзбургскаго о Кіевѣ: *in magna hac civitate, quae totius regni caput est, plus quam quadringintae habentur ecclesiae et mercatus etc.* Не даромъ, конечно, торговые рынки поставлены тутъ рядомъ съ церквами.

Итакъ, всѣ, или почти всѣ постановленія, содержащіяся въ уставѣ св. Владиміра, могутъ быть съ достаточною, если не съ полною вѣроятностію возведены ко временамъ этого великаго князя, т. е. приписаны ему лично. Иное дѣло—вопросъ: были ли эти постановленія изданы самимъ Владиміромъ въ формѣ церковно-уставной грамоты, извѣстной теперь подъ его именемъ? На этотъ вопросъ нужно отвѣчать рѣшительнымъ отрицаніемъ. Св. Владиміръ въ своей подлинной грамотѣ не могъ, конечно, сказать, что онъ принялъ перваго русскаго митрополита отъ цареградскаго патріарха Фотія: этотъ патріархъ умеръ почти за сто лѣтъ до крещенія Владиміра. Напрасно нѣкоторые ученые защитники подлинности

Владимірова устава думаютъ устранить этотъ грубый анахронизмъ такимъ толкованіемъ: первые іерархи, пришедшіе къ намъ изъ Греціи, могли быть названы принятыми отъ Фотія—въ томъ смыслѣ, что они были послѣдователями, какъ бы учениками знаменитаго патріарха, извѣстнаго борца за независимость восточной церкви отъ папскаго престола и ревностнаго обличителя римскихъ заблужденій. Но не говоря уже о томъ, что подобныя иносказанія были вовсе неумѣстны въ официальномъ церковномъ актѣ, въ самой греческой церкви во времена Владиміра не было такой іерархической партіи, которая бы носила названіе фотіевой. Указанный анахронизмъ объясняется очень просто. Нашимъ предкамъ, современникамъ Владиміра, осталось неизвѣстнымъ имя константинопольскаго патріарха (Николая Христоверга), отъ котораго посланы были въ новокрещенную Русь первые духовные іерархи. Но имъ было извѣстно имя патріарха, при которомъ совершилось крещеніе Киевскихъ князей Аскольда и Дира съ ихъ дружиною: это былъ знаменитый патріархъ Фотій. Древніе русскіе дѣписатели смѣшали это первое, частичное крещеніе Руси со вторымъ, общимъ ея крещеніемъ; впервые это смѣшеніе встрѣчается въ новгородской лѣтописи, въ началѣ которой прямо сказано, что Владиміръ принялъ перваго митрополита (Леона) отъ патріарха Фотія. Замѣчательно, что и старшій списокъ Владимірова устава съ тѣмъ же самымъ анахронизмомъ есть также *новгородскій*: онъ находится уже въ извѣстной намъ софійской Кормчей, писанной около 1280 года при новгородскомъ архіепископѣ Климентѣ. Но позднѣйшіе переписчики Владимірова устава замѣтили нелѣпость его хронологическихъ показаній и выкинули ихъ изъ его текста: такъ произошли списки краткой редакціи устава, въ которыхъ уже не упоминается о патріархѣ Фотіи. Но и эти списки нельзя признавать, вслѣдъ за Неволинымъ, копіями съ подлинной церковно-уставной грамоты св. Владиміра. Въ нихъ все-таки осталась одна несообразность съ исторической истиной, свойственная спискамъ первоначальной обширной редакціи. Именно: о десятинѣ, данной Владиміромъ киевской Богородицкой (Десятинной) церкви, сказано, будто она дана была *по вѣстмъ городамъ русскои земли*. Другими словами: и въ спискахъ краткой редакціи осталась несправ-

ленной ошибка, состоящая въ смѣшеніи обще-церковной десятины съ частною, которая дана была *одной только* кievской Десятинной церкви и состояла въ десятой части движимаго и недвижимаго имущества самого князя-храмоздателя. Что церковныя постановленія Владиміра не были облечены имъ въ форму именной церковно-уставной грамоты, это доказывается и тѣмъ, что древняя русская письменность представляетъ намъ тѣ же самыя постановленія и въ другой литературной формѣ—въ формѣ анонимной *исторической* записи о томъ, что сдѣлано въ пользу церкви первыми христіанскими русскими князьями *вообще*. Въ рукописяхъ эта форма нашего памятника имѣетъ такое надписаніе: „о церковныхъ людѣхъ, и о судѣхъ, и о десятинахъ, и о мѣрахъ городскихъ“. Въ старшихъ спискахъ и редакціяхъ этой статьи имя св. Владиміра вовсе не упоминается, но по своему главному, *юридическому* содержанию, она *буквально* сходна съ памятникомъ, выдающимъ себя за церковно-уставную грамоту св. Владиміра. Если списки этой грамоты, какъ мы сейчасъ видѣли, восходятъ къ послѣдней четверти XIII вѣка, то и списки того же церковно-юридическаго памятника въ формѣ исторической записи „о церковныхъ людѣхъ, судахъ“ и пр. могутъ быть возводимы, по крайней мѣрѣ, къ той же самой эпохѣ. Это видно изъ слѣдующаго обстоятельства. Въ концѣ XIII в. какой-то владимірскій епископъ, жалуясь мѣстному князю, сыну великаго князя Александра (Невскаго?) на разореніе своей епископшіи, приводитъ въ своемъ посланіи или поученіи князю дословно почти все содержаніе устава св. Владиміра, но не называетъ этого князя по имени, а просто выписываетъ изъ своего источника свидѣтельства о томъ, что сдѣлано въ пользу церкви первые христіанскіе князья Руси и ихъ княгини. Это умолчаніе о св. Владимірѣ нельзя объяснить иначе, какъ предположеніемъ, что владимірскій епископъ имѣлъ предъ глазами нашъ памятникъ не въ формѣ церковно-уставной грамоты вел. князя Владиміра, а именно въ формѣ *исторической* записи о пропехожденіи на Русь церковныхъ судовъ, церковныхъ людей и церковной десятины.

Какая же изъ этихъ двухъ формъ одного и того же памятника должна быть признана старшею, оригинальною? Несомнѣнно, послѣдняя—*историческая*. Въ ней нѣтъ никакихъ

хронологическихъ или историческихъ несообразностей, и она даетъ намъ возможность самымъ простымъ образомъ объяснить происхожденіе церковно-юридическаго памятника, извѣстнаго теперь подъ именемъ церковнаго устава св. Владиміра. Памятникъ этотъ, несомнѣнно, составился изъ *частныхъ* и, по всей вѣроятности, разновременныхъ записей о подлинныхъ распоряженіяхъ св. Владиміра по дѣламъ церкви. Нѣкоторыя изъ этихъ записей, именно тѣ, въ которыхъ исчисляются суды и люди церковные, надобно думать, сдѣланы были еще при самомъ Владимірѣ или вскорѣ послѣ него. Это доказывается ихъ языкомъ, который такъ поразилъ нашего исторіографа (Карамзина) своею древностію, что онъ готовъ былъ бы признать церковный уставъ за подлинное произведеніе св. Владиміра, если бы въ немъ не находилось извѣстнаго анахронизма. Таковы въ особенности уже извѣстныя намъ выраженія: *смилное заставаньє, пошибаньє, потвори, зуботѣжа, вражда* (въ смыслѣ убійства и пени за него), *прощеникъ, задуйный челоуѣкъ*. Позднѣйшіе переписчики этихъ записей дѣлали въ нихъ разныя дополненія и перемѣны: одинъ приписывалъ объяснительную глоссу къ какому нибудь слову, которое казалось ему невразумительнымъ; другой, чрезъ нѣсколько времени, вносилъ эту глоссу въ текстъ; третій, еще болѣе поздній, давалъ всему старому тексту новую редакцію, именно—сводилъ въ одно цѣлое всѣ разновременныя и, можетъ быть, доселѣ разрозненныя записи о разныхъ предметахъ церковно-законодательной дѣятельности первыхъ христіанскихъ князей Руси. Одинъ изъ такихъ редакторовъ нашего памятника, по всей вѣроятности—новгородецъ, прочитавъ въ мѣстной лѣтописи извѣстіе о принятіи св. Владиміромъ перваго митрополита Руси отъ патріарха Фотія, о построеніи въ Кіевѣ соборной Богородицкой церкви и о томъ, что вел. князь далъ ей жалованную грамоту на десятину, воспользовался этими извѣстіями, чтобы придать старымъ историческимъ записямъ о церковно-законодательной дѣятельности Владиміра и ближайшихъ его преемниковъ такую же точно форму церковно-уставной грамоты. Но наряду съ этою формою оставались въ употребленіи и старыя историческія записи, которыя подъ руками позднѣйшихъ писцовъ тоже получали разныя редакціи, то распространенныя, то сокращенныя. Въ первыхъ встрѣчаются уже

извѣстія о крещеніи св. Владиміра и о принятіи имъ перваго митрополита „отъ грекъ“ (а не отъ Фотія патріарха), но какъ о Владимірѣ, такъ и о позднѣйшихъ князьяхъ и княгиняхъ (не называемыхъ по имени) говорится по преимуществу въ третьемъ лицѣ. А самая краткая редакція Владимірова устава въ этой исторической формѣ дошла до насъ съ надписаніемъ: „Сей рядъ и судъ церковный устави первые князи“. Здѣсь исчисляются только суды и люди церковные, но не упоминается уже ни о церковной десятинѣ, ни о правѣ духовенства наблюдать за торговыми мѣрами и вѣсами и взимать пошлину за ихъ употребленіе. Ясно, что такая редакція Владимірова устава произошла тогда, когда указанная два постановленія этого устава уже потеряли свое практическое значеніе.

§ 8. *Уставъ, приписываемый великому князю Ярославу.* Перейдемъ теперь къ церковному уставу, дошедшему до насъ съ именемъ великаго князя Ярослава. Говорить о подлинности этого устава въ собственномъ смыслѣ, т. е. о принадлежности его, какъ *письменнаго памятника*, самому Ярославу, можно еще менѣе, чѣмъ о подлинности такого же устава, приписываемаго св. Владиміру. Подобно этому послѣднему памятнику, уставъ Ярослава, несомнѣнно, образовался путемъ частной кодификаціи нормъ церковнаго права, вызванныхъ историческою, т. е. жизненною необходимостію перенести въ сферу церковнаго суда ту же самую систему виръ и продажъ, какая принята въ Русской Правдѣ. Въ этомъ смыслѣ мы вполне раздѣляемъ отзывъ Неволіна объ уставѣ Ярослава, что *основа* его могла быть древняя, принадлежащая временамъ введенія христіанства въ Россію, ярославовская (Соч. т. VI, стр. 310). Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что основа Ярославова устава образовалась еще въ періодъ полнаго дѣйствія нормъ Русской Правды, которыя, какъ выше замѣчено, опредѣлили характеръ и нашего памятника. Къ сожалѣнію, ни Неволинъ, никто другой не сдѣлалъ опыта восстановленія первоначальной основы Ярославова устава, который несомнѣнно носить на себѣ гораздо больше позднѣйшихъ наслоеній, чѣмъ уставъ Владиміра. По нашему мнѣнію, къ этой основѣ относятся, прежде всего, тѣ статьи (точнѣе нормы) Ярославова устава, которыя находятся въ прямой связи съ уставомъ Владиміра,—въ которыхъ, именно, назначаются опре-

дѣленныя наказанія за преступленія, относимыя этимъ послѣднимъ уставомъ къ вѣдомству суда церковнаго. Скажемъ болѣе: нормы, изложенныя во всѣхъ такихъ статьяхъ Ярослава устава, должны были установиться и получить дѣйствіе еще во времена св. Владиміра, въ уставѣ котораго содержится одинъ только голый перечень дѣлъ и лицъ, подсудныхъ церкви, безъ всякаго указанія на то, въ чемъ собственно долженъ состоять судъ по этимъ дѣламъ и надъ этими лицами. Таковы именно статьи Ярослава устава ¹⁾ объ умыкѣ и пошибаніи (ст. 1 и 2), о своевольномъ разводѣ—одностороннемъ (ст. 3) и по взаимному согласію супруговъ (ст. 14), о бракахъ въ близкомъ родствѣ (ст. 12), о скотоложствѣ (ст. 16), о побояхъ, наносимыхъ дѣтьми родителямъ (ст. 29), о прижитіи дѣвцею ребенка (ст. 4; ср. слова устава св. Владиміра: „аще дѣвка дѣтя повержетъ“). Къ древней же основѣ Ярослава устава должны быть отнесены и тѣ статьи его, которыя по своему содержанию оказываются *исторически необходимыми* дополненіями разныхъ пробѣловъ въ уставѣ св. Владиміра, совершенно естественныхъ въ письменныхъ юридическихъ памятникахъ, образовавшихся изъ частныхъ и разновременныхъ записей о томъ, что творила общественная власть и самая жизнь въ области церковнаго права въ первыя два столѣтія послѣ крещенія Руси. Таковы, по нашему мнѣнію, статьи: о двоежествѣ, т. е. одновременномъ сожитіи съ двумя женами (ст. 13), о квалифицированномъ блудѣ, именно—о прельщеніи дѣвицы къ любовной связи и о выдачѣ ея другимъ „въ толоку“, т. е. на дальнѣйшее посрамленіе ея дѣвической чести (ст. 5), о связи женатаго съ постороннею женщиной (ст. 6), или мірянина—съ монахиней (ст. 15), о вступленіи мужа въ бракъ безъ правильнаго развода съ женою (ст. 7), о разныхъ видахъ кровосмѣшенія (11, 17—20), о принужденіи родителями дѣтей къ браку (ст. 21) или о насильственномъ удержаніи ихъ отъ брака, объ оскорбленіи супружеской чести чужой жены ругательнымъ словомъ (ст. 22). Все это—такія преступленія, кото-

¹⁾ Въ нижеслѣдующихъ указаніяхъ статьи Ярослава устава отмѣчены согласно той нумераціи, какую онѣ имѣютъ въ изданіи *проф. М. Владимірскаго-Буданова*: см. его „Христоматію по исторіи русск. права.“ изд. 2-е, вып. 1, стр. 201—6.

рия, какъ видно и изъ другихъ памятниковъ, были довольно обычнымъ явленіями въ жизни нашихъ предковъ, еще такъ недавно сдѣлавшихся христіанами. Статьи указанныхъ двухъ категорій, т. е. стоящія въ связи съ уставомъ Владиміра и служащія исторически-необходимымъ дополненіемъ къ нему, все относятся къ предметамъ *общаго* суда церкви, т. е. такого, которому равно подлежали и церковные люди и не церковные. Въ первоначальной редакціи Ярославова устава, конечно, и не могли имѣть мѣста статьи, въ которыхъ говорится о такихъ предметахъ церковнаго суда, какъ, напримеръ, проступки духовныхъ лицъ противъ правилъ установленной для нихъ дисциплины (ст. 30—32). Но съ другой стороны, мы уже видѣли, что и въ уставѣ св. Владиміра компетенція епископскаго суда опредѣляется не только *по существу самыхъ дѣлъ*, но и по *характеру* лицъ, т. е. по ихъ жизненному отношенію къ церкви: лица, признаныя въ этомъ уставѣ церковными и богадѣльными, отдаются имъ въ полное и исключительное вѣдомство церкви по дѣламъ даже уголовнымъ. Указаніе на этотъ *особенный* судъ духовной іерархіи сдѣлано и въ послѣдней статьѣ Ярославова устава: „А что ся дѣбеть въ домовныхъ людехъ и въ церковныхъ и въ монастырехъ, а не вступаются князи волостели въ то, а то вѣдаютъ епископи волостели и безатщина (—выморочное имущество) ихъ епископу итеть“. Съ точки зрѣнія этой статьи должны быть понимаемы и могутъ быть относимы къ первоначальной основѣ устава и слѣдующія статьи, представляющія развитіе сейчасъ изложеннаго общаго правила о церковныхъ людяхъ: о поджогѣ (ст. 10), остриженіи у кого либо головы или бороды (ст. 23), о кражѣ (24 и 25), убійствѣ (ст. 26), неприличной дракѣ двухъ мужчинъ (27), о побояхъ, наносимыхъ чужой женѣ (ст. 28) и др.

Глубокою древностію вѣдетъ также отъ нѣкоторыхъ статей Ярославова устава, находящихся только въ спискахъ обширной, точнѣе—сводной его редакціи. Это въ особенности должно сказать о слѣдующихъ трехъ статьяхъ:

1) „Аще дѣвка засядеть: великихъ бояръ—митрополиту 5 гривенъ злата, а меньшихъ бояръ—митрополиту гривна злата, а нарочитыхъ людей—митрополиту 2 рубля или 12 гривенъ, а простой чадѣ—митрополиту гривна серебра или рубль“. Въ большинствѣ старшихъ списковъ устава статья

эта стоитъ вслѣдъ за статьей о прижити дѣвницею ребенка и о заключеніи виновной въ домъ церковный, до выкупа ея родственниками ¹⁾. Изъ такого положенія статьи заключаютъ, что въ ней назначается сумма выкупа обезцѣненной дѣвницы изъ церковнаго дома, если она тамъ, „засядеть“, т. е. засидится вслѣдствіе своей нераскаянности; толкуютъ статью и такъ, что въ ней предусмотрѣнъ случай, когда какая нибудь дѣвица засидится въ домѣ своихъ родителей и по ихъ винѣ не выйдетъ замужъ. По нашему мнѣнію, первое толкованіе ближе къ истинѣ, но требуетъ одной существенной поправки. Глаголь *засести* въ древне-славянскомъ языкѣ значить *insidiari*—злоумышлять что либо, покушаться на преступленіе. Такимъ образомъ, по связи съ предыдущею статьею—о прижити дѣвницею ребенка, надобно думать, что въ настоящей статьѣ идетъ рѣчь о дѣвицѣ, забеременѣвшей въ домѣ своихъ родителей и *посыгнувшей* на жизнь незаконнаго плода. Этимъ объясняется высокая пеня, опредѣленная въ статьѣ за то, что дѣвица „засѣла“. Но странно думать, что церковь налагала такую пеню на родителей, такъ или иначе допустившихъ своей дочери засидѣться въ дѣвицахъ. Это могло случиться и безъ вины родителей, даже противъ ихъ желанія и старанія выдать свою дочь за мужъ. Съ другой стороны, церковь никогда не считала бракъ безусловно обязательнымъ для каждой дѣвицы и не могла установить какого либо срока, по наступленіи котораго дѣвица признавалась бы „навсегда засидѣвшеюся“ въ своемъ дѣвичествѣ и тѣмъ навлекшею на своихъ родителей тяжкую пеню въ пользу духовной власти.

2) „Аще про дѣвку сыръ будетъ краанъ: за сыръ гривна; а што стеря заплатять, а митрополиту 6 гривенъ, а князь казнитъ“. Статья эта имѣетъ несомнѣнное отношеніе къ „смильному заставанью“ Владимірова устава, т. е. къ брачному сговору, отнесенному этимъ уставомъ къ предметамъ суда церковнаго. Изъ нея видно, что при сговорѣ совершался обрядъ „краянія“, т. е. рѣзанья на куски сыра и хлѣба въ честь Роду и Рожаницамъ—языческимъ божествамъ нашихъ

¹⁾ См. проф. *Е. Е. Голубинскаго*—Ист. р. церкви, т. 1, перв. полов. стр. 539.

предковъ, олицетворявшимъ собою идею судьбы и счастья ¹⁾. Въ приведенной статьѣ стараго церковнаго устава, очевидно, предусмотрѣнъ тотъ случай, когда женихъ послѣ формальнаго сговора, соединеннаго съ краеніемъ сыра и хлѣба и съ раздачею подарковъ отъ неvěсты, откажется отъ брака съ нею („а не такъ счннять“), и тѣмъ нанесетъ ей безчестье и убытки.

3) „Аще жена будетъ чародѣйница, или наузница, и вѣльхва, или зелейница,—и мужъ, доличивъ, казнить ю; а не лишиться (не перестанетъ заниматься волшебствомъ), митрополиту 6 гривенъ“ ²⁾.

Здѣсь авторитетомъ церкви утверждается дисциплинарная власть мужа надъ женою, виновною въ волшебствѣ. Мы знаемъ, что эта власть принадлежала мужу и въ позднѣйшія времена (припомнимъ наставленія Домостроя). Нѣчто подобное этой статьѣ содержится и въ каноническихъ отвѣтахъ м-та Іоанна II, жившаго въ концѣ XI вѣка. Митрополитъ предписывалъ, чтобы занимающіеся чародѣйствомъ, мушны и женщины, послѣ безуспѣшнаго дѣйствованія на нихъ мѣрами духовнаго увѣщанія, подвергались болѣе строгимъ наказаніямъ, но не смертной или членовредительной казни (какая, нужно замѣтить, назначалась колдунамъ и волшебникамъ византійскими законами). Такимъ образомъ, не нужно ли разумѣть подъ „болѣе строгими“ наказаніями ту же денежную пеню, о которой говоритъ настоящая статья Ярославова устава?

§ 9. *Церковно-уставныя грамоты удѣльныхъ князей XII вѣка.* Кромѣ рассмотрѣнныхъ нами „уставовъ“, носящихъ на себѣ имена древне-русскихъ в. князей, отъ настоящаго періода до

¹⁾ Любопытное описаніе этого обряда находимъ въ Домостроѣ: „А друшка въ тѣ поры (во время причесыванія неvěсты къ вѣнцу) болшей кроить коровой и сыры, съ четырехъ угловъ крайки, положить на одно блюдо, да укрухи рѣжетъ и сыры колунаетъ, кладетъ по блюдамъ, и на первое блюдо положить ширинку (платокъ), гдѣ крайчики, поднесетъ новобрачному (т. е. жениху), и молвить: „новобрачная (ня-рекъ) челомъ бьетъ—коровая и сыръ и ширинка“. Потомъ обносятъ другихъ, „всякому на блюдѣ укрухъ коровая, да глыбка сыра, да ширинка“. (*Домострой* по изд. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1882 г., стр. 180).

²⁾ Это—39 статья устава по списку, содержащемуся въ соловецкой Кормчей 1493 г. и напечатанному проф. Голубинскимъ въ назв. трудѣ, стр. 543.

насъ дошло нѣсколько церковно-уставныхъ грамотъ, усвояемыхъ удѣльнымъ князьямъ XII вѣка. Нѣкоторыя изъ этихъ грамотъ несомнѣнно подлинны, другія сохранились въ болѣе или менѣе передѣланномъ видѣ. Къ числу первыхъ принадлежатъ: 1) *уставная грамота новгородскаго князя Святослава Ольговича 1137 года* — о замѣнѣ десятины въ пользу мѣстной епископіи опредѣленнымъ годовымъ княжескимъ жалованьемъ. Грамота эта замѣчательна тѣмъ, что она начинается свидѣтельствомъ объ *исконномъ* учрежденіи на Руси церковной десятины: „Уставъ бывшій прежде насъ въ Руси отъ прадѣдъ и отъ дѣдъ нашихъ имати пискупомъ десятину отъ *даній* и отъ *вирь* и *продажъ*, что входитъ въ князь дворъ всего“. Но плата десятины, особенно отъ вирь и продажъ, была неудобна въ томъ отношеніи, что доходы самого князя отъ судебныхъ пошлинъ были не каждый годъ одинаковы, отчего, говоря словами грамоты, „нужа баше пискупу, нужа же князю въ томъ, въ десятой части Божіи“. Вслѣдствіе этого десятина въ Новгородѣ и была замѣнена опредѣленнымъ денежнымъ жалованьемъ епископу.— Несомнѣнно подлинна, далѣе—2) *уставная грамота Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича*, данная въ 1150 году новоучрежденной въ Смоленскѣ епископіи. Въ этой грамотѣ опредѣляются главнымъ образомъ средства содержанія столичной епископіи („чѣмъ епископу быти живу съ клиросомъ своимъ“). Средства эти частію прежнія—*десятина* отъ даней княжихъ (но не отъ вирь и продажъ) и пошлины съ судовъ *церковныхъ*, частію новыя—земли населенныя и ненаселенныя. Къ сожалѣнію, въ единственномъ дошедшемъ до насъ позднемъ спискѣ этой грамоты текстъ ея крайне испорченъ, и притомъ въ самой важной части—тамъ, гдѣ исчисляются *предметы* епископскаго суда. Видно, однако, что здѣсь смоленская грамота имѣетъ много общаго съ постановленіями устава св. Владиміра о церковныхъ судахъ.

Наряду съ сейчасъ указанными двумя подлинными церковно-уставными грамотами извѣстны и двѣ если не прямо подложныя, то сильно передѣланныя позднѣйшими писцами. Обѣ онѣ усвояются новгородскому князю Всеволоду Мстиславичу (1117—1137). Одна изъ нихъ имѣетъ видъ устава, даннаго Софійскому новгородскому собору о церковныхъ судахъ. Это—не что иное, какъ довольно неискusstvennaya

передѣлка церковнаго устава Владиміра. Но въ этой грамотѣ есть такія черты, которыя съ вѣроятностію могутъ быть приняты за постановленія Всеволода. Таковы именно: 1) постановленія о торговыхъ пошлинахъ въ пользу Софійскаго собора, на площади котораго существовало торжище; 2) помѣщенное въ концѣ грамоты постановленіе Всеволода о передачѣ дѣлъ по спорамъ о наслѣдствѣ въ вѣдѣніе епископа. Тому же князю приписывается уставная грамота, данная церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ. Церковь эта построена Всеволодомъ въ 1127 году. Тогда же, конечно, дана ей и настоящая уставная грамота. По этой грамотѣ новопостроенная церковь долженствовала быть приходскою церковію особаго торговаго товарищества, которое по ея имени и называлось „купечествомъ Иванскимъ“. Товарищество это составлялось частію изъ „пошлыхъ“ т. е. старыхъ купцовъ, торговавшихъ на площади, гдѣ построена была церковь, частію—изъ новыхъ вкладчиковъ, обязанныхъ внести въ товарищескій капиталъ 50 гривенъ серебра. Для непосредственнаго завѣдыванія дѣлами церкви и всего товарищества избирались изъ среды его пять старость—три отъ житыхъ и чернихъ людей и два отъ купцовъ. Главный доходъ церкви составлялся изъ торговыхъ пошлинъ, именно—изъ платы за употребленіе торговыхъ мѣръ и вѣсовъ, которые хранились въ церковномъ притворѣ и находились въ завѣдываніи двухъ старость Иванскихъ. Эти пошлины служили главнымъ источникомъ содержанія и самой церкви и служащаго при ней духовенства. Купечество Иванское пережило политическую независимость самаго Великаго Новгорода: объ этомъ торговомъ товариществѣ упоминается даже въ актахъ временъ Ивана Грознаго. Изложенныя постановленія Всеволодовой грамоты могли находиться уже въ первоначальномъ ея текстѣ; но, конечно, Всеволодъ не могъ называть себя „великимъ княземъ, самодержцемъ, владычествующимъ надъ всею русскою землею“, какъ онъ названъ въ началѣ грамоты.

Безъ сомнѣнія, до насъ дошли не всѣ церковно-уставныя грамоты удѣльно-вѣчевого періода. Ибо можно почти навѣрное сказать, что, по мѣрѣ учрежденія у насъ въ удѣльныхъ княжествахъ новыхъ епископій, мѣстные князья должны были давать своимъ епископамъ и особыя уставныя гра-

моты. Такъ, лѣтопись подь 1158 годомъ говоритъ о суздальскомъ князѣ Андрѣ Боголюбскомъ, что онъ, поставивъ во Владимірѣ на Клязмѣ соборную церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, „далъ ей многія имѣнія и слободы и села лучшія съ данями, и десятину во всемъ и въ стадахъ своихъ и торгъ десятый во всемъ своемъ княжествѣ“. Конечно, все это пожалованіе документировано было въ особой церковно-уставной грамотѣ, которая не дошла до нашего времени.

§ 10. *Ханскіе ярлыки русскимъ митрополитамъ.* Церковные порядки, установившіеся на Руси въ первыя три столѣтія послѣ ея крещенія и засвидѣтельствованныя разсмотрѣнными нами памятниками церковнаго права, оставались неизмѣнными въ продолжительный періодъ монгольскаго владычества, которое, какъ извѣстно, началось во второй четверти XIII вѣка. Монгольскіе ханы давали нашимъ митрополитамъ особыя жалованныя грамоты, такъ называемыя *ярлыки*, которыхъ дошло до насъ семь отъ XIII и XIV столѣтій. Но нѣтъ сомнѣнія, что ихъ было гораздо больше: ибо каждый митрополитъ долженъ былъ испрашивать у каждаго новаго хана подтвержденія прежняго ярлыка или выдачи новаго. Замѣчательно, что ярлыки не только подтверждаютъ прежнія права русской духовной іерархіи, но и значительно расширяютъ ихъ. Общее содержаніе ханскихъ ярлыковъ, данныхъ русскимъ митрополитамъ, можетъ быть представлено въ слѣдующемъ видѣ: 1) ханы ограджали неприкосновенность вѣры, богослуженія, законовъ, судовъ и имущества церкви, 2) освобождали все духовенство отъ всякаго рода податей и повинностей и 3) предоставляли духовнымъ властямъ право судить своихъ людей во всехъ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ—даже *въ ризбѣхъ и душеубствѣхъ*.

Давая столь обширныя права русскимъ митрополитамъ и другимъ духовнымъ іерархамъ, ханы руководились, конечно, политическими соображеніями. Основное правило политики всехъ варварскихъ завоевателей состоитъ въ томъ, чтобы, не вмѣшиваясь во внутреннія дѣла покоренной страны, брать съ нея дань, какъ видимый знакъ своего господства надъ нею. Подчиненность русской церкви владычеству хановъ въ томъ именно и выражалась, что митрополиты и епископы должны были ѣздить въ орду за милостивыми ярлыками и давать за нихъ дорогіе подарки хану, его женамъ и двору.

Ханы тѣмъ охотнѣе надѣляли духовныхъ владыкъ русской земли разными правами и льготами, что надѣялись этимъ привязать ихъ къ себѣ, и, значить, косвеннымъ образомъ, упрочить свое владычество надъ странюю. Ярлыки несомнѣнно были у насъ источниками дѣйствующаго церковнаго права. Наши лѣтописи свидѣтельствуютъ, что каждый разъ, когда татарскіе чиновники (баскаки) перечисляли на Руси народъ для обложенія его данью ханамъ, они не включали въ общую перепись „архимандритовъ, игуменовъ, иноковъ, поповъ, дьяконовъ и всего причта церковнаго“. Само собою понятно, что и русскіе князья должны были признавать права и привилегіи духовной іерархіи, предоставленныя ей ханами, верховными повелителями всей русской земли. Впрочемъ, ханскіе ярлыки, данные митрополитамъ, были обязательны для русскихъ князей не столько юридически, сколько нравственно. Въ случаѣ нарушенія князьями правъ духовной іерархіи, опредѣленныхъ ярлыками, наши митрополиты, не рѣшаясь жаловаться на обидчиковъ церкви самимъ невѣрнымъ ханамъ, ссылались на ихъ ярлыки только для того, чтобы подѣйствовать на совѣсть христіанскихъ князей. Такъ именно воспользовался ярлыками московскій соборъ 1503 г. въ отвѣтъ великому князю Ивану III, пытавшемуся отобрать въ казну церковныя и монастырскія вотчины. Приложивъ къ своему отвѣту семь ханскихъ ярлыковъ (конечно, въ русскомъ переводѣ), соборъ обращался къ вел. князю съ такимъ наставленіемъ: „посмотри, благочестивый государь, и невѣрные цари (т. е. ханы) не дерзали обижать церковь; какъ же ты рѣшишься отнять у нея ея вѣковое достояніе, полученное ею отъ твоихъ благовѣрныхъ предковъ“? То же повторялъ митрополитъ Макарій царю Ивану IV, хотѣвшему послѣдовать примѣру своего дѣда, и патріархъ Никонъ—царю Алексѣю Михайловичу въ своихъ возраженіяхъ противъ учрежденія монастырскаго приказа, въ которомъ сосредоточено было управленіе церковными и монастырскими вотчинами.

§ 11. Жалованныя грамоты монастырямъ и духовнымъ властямъ.

Періодъ монгольскаго владычества былъ періодомъ необыкновеннаго увеличенія въ Россіи числа монастырей. Это были всенародныя русскія „богомолія“, въ сооруженіи и обогащеніи которыхъ принимали участіе все классы тогдашняго

общества. Во главѣ строителей и обогатителей монастырей стояли сами князья великіе и удѣльные, которые большею частію и умирали въ монастырскомъ постриженіи. Отсюда— громадная масса жалованныхъ грамотъ монастырямъ и церквамъ, принадлежащихъ настоящему періоду. Вообще это былъ періодъ развитія русскаго церковнаго права по преимуществу со стороны частнаго права церкви или, точнѣе, отдѣльныхъ церковныхъ установленій, въ особенности монастырей, архіерейскихъ домовъ и соборовъ. Всѣ эти церковныя установленія сдѣлались теперь болѣе или менѣе богатыми землевладѣльцами, вотчинниками. Въ этомъ качествѣ они надѣлены были самыми разнообразными льготами. По общему содержанию жалованныхъ грамотъ, льготы эти были слѣдующія: 1) право владѣнія недвижимыми имуществами и приобрѣтенія ихъ всѣми законными способами; 2) право призыва крестьянъ на свои земли изъ другихъ княженій; 3) право пользованія оброками и вообще повинностями отъ своихъ поселянъ и доходами отъ своихъ имѣній и угодій; 4) право тарханное, освобождавшее архіерейскихъ и монастырскихъ крестьянъ и села отъ пошлинъ и повинностей казенныхъ или княжескихъ и 5) право землевладѣльческаго суда надъ своими крестьянами. Въ частности о монастыряхъ нужно еще замѣтить, что нѣкоторые изъ нихъ, благодаря жалованнымъ княжескимъ грамотамъ, становились вполне автономическими единицами, т. е. достигали совершенной независимости не только отъ мѣстныхъ гражданскихъ властей, но и отъ своихъ епархіальныхъ архіереевъ. Вотчинное начало настолько преобладало въ юридическомъ бытѣ монастырей, что независимость ихъ, какъ вотчинниковъ, сообщалась и самой монастырской общинѣ, т. е. игумену и братіи, которые, какъ лица духовныя, должны были бы по каноническимъ правиламъ и по уставамъ Владиміра и Ярослава, подлежать юрисдикціи мѣстныхъ архіереевъ. Теперь же эта зависимость ограничивалась только чисто духовными или религіозными дѣлами,—тѣмъ, что архіерей ставилъ въ монастыри игуменовъ, выбранныхъ самою монастырекою братіею, рукополагалъ поповъ и дьяконовъ къ церквамъ монастырскихъ селъ, освящалъ, эти церкви и т. п. Во всѣхъ же прочихъ дѣлахъ члены монастырской общины, въ силу такъ

называемыхъ *несудимыхъ* грамотъ, подчинены были непосредственному суду самихъ князей.

§ 12. *Подтвержденіе московскими великими князьями церковныхъ уставовъ Владимира и Ярослава.* Ханскіе ярлыки и княжескія жалованныя грамоты духовной іерархіи и монашеству были собственно историческимъ развитіемъ началъ русскаго церковнаго права, положенныхъ въ извѣстныхъ намъ церковныхъ уставахъ, носящихъ на себѣ имена первыхъ христіанскихъ вел. князей древней Руси. Но самыя эти уставы были, такъ сказать, отодвинуты на задній планъ новыми, сейчасъ упомянутыми источниками церковнаго права. Однако въ началѣ XV вѣка, когда власть монголовъ надъ Русью значительно ослабѣла, когда московскіе великіе князья, собиратели земли русской, успѣли болѣе или менѣе подчинить себѣ удѣльныхъ и такимъ образомъ явилшесъ наследниками той политической власти надъ русскою землею, какая принадлежала великимъ князьямъ Кіевской Руси—Владиміру и Ярославу, русскіе митрополиты, перенесли свою кафедру въ стольный городъ новыхъ великихъ князей, нашли нужнымъ напомнить имъ, для подтвержденія своихъ правъ, объ уставахъ названныхъ великихъ князей. Дѣйствительно, въ 1403 году великій князь Василій Дмитріевичъ, по совѣщанію съ м-томъ Кирианомъ, выписалъ изъ „великаго стараго номоканона“, т. е. изъ Кормчей книги, на особый свитокъ оба названные церковные устава и снабдилъ ихъ своею подтвердительною грамотою, въ которой сказано, что онъ, великій князь, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ митрополитомъ Кирианомъ, установили о церковныхъ судахъ то же самое, что установили по этому предмету великіе князья Владиміръ и Ярославъ съ своими митрополитами. Понятно однако-же, что это *принципіальное* подтвержденіе старыхъ церковныхъ уставовъ не могло быть полнымъ возстановленіемъ ихъ дѣйствія. Въ особенности это нужно сказать объ уставѣ Ярослава, такъ какъ принятая въ немъ система вирь и продажъ въ московской Руси уже съ XIV вѣка потеряла практическое значеніе. Но она продолжала еще дѣйствовать, хотя и въ сильно измѣненномъ видѣ, въ западной Руси, подпавшей теперь подъ власть сначала литовскихъ а потомъ польскихъ (католическихъ) государей. Поэтому церковный уставъ Ярослава былъ здѣсь нѣсколько

разъ подтверждаемъ литовскими и польскими государями, по просьбѣ православныхъ западно-русскихъ митрополитовъ. Что же касается сѣверо-восточной, Московской Руси, то здѣсь оставался въ практическомъ употребленіи одинъ только уставъ св. Владиміра, да и тотъ не въполнѣ, а лишь настолько, насколько въ немъ опредѣлялось пространство *общаго* суда церкви. Въ другихъ же отношеніяхъ дѣйствіе его было болѣе или менѣе ограничено. Такъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ изданія вышеупомянутой подтвердительнои грамоты тотъ же великій князь Василій Дмитріевичъ, по совѣщанію съ тѣмъ же м-томъ Кипріаномъ, издаетъ новую уставную грамоту, въ которой старыя привилегіи митрополита, какъ духовнаго властителя и вотчинника, были уже значительно ограничены. Именно, вмѣсто полной свободы митрополичьихъ людей и сель отъ государственныхъ податей и повинностей, теперь митрополитъ обязывается: 1) вносить дань по княжей оброчной грамотѣ въ тѣ годы, когда самому великому князю придется платить „выходъ“, т. е. дань въ орду (значить, привилегія, какая давалась митрополитамъ самими ханами, теперь уничтожалась); 2) нести ямскую повинность въ селахъ, принадлежащихъ митрополіи; 3) выставлать „даточныхъ“, т. е. военныхъ людей (когда самъ вел. князь — сказано въ грамотѣ—сядетъ на конь, за нимъ должны слѣдовать бояре и слуги митрополита подъ воеводою митрополичьимъ, а подъ стягомъ великаго князя). Далѣе, судныя права митрополита надъ своими людьми ограничены въ томъ отношеніи, что великій князь выговариваетъ себѣ право судить духовенство (конечно, не въ духовныхъ дѣлахъ) въ отсутствіе митрополита; удерживаетъ за собою исключительное право суда надъ митрополичьими намѣстниками, десятинниками и волостелями. Грамота устанавливаетъ также норму податей, какія шли на митрополита и его чиновниковъ (именно десятинниковъ) съ приходскихъ церквей или, что тоже, съ тяглого духовенства. Наконецъ, въ послѣдней части грамоты князь говоритъ: „слугъ монахъ и монахъ данныхъ (т. е. платящихъ дань) въ діаконы и попы митрополиту не ставить. А если какой поповичъ, хотя бы онъ былъ записанъ въ мою службу, захочетъ ставиться въ попы или діаконы, ино ему вольно ставиться. Тотъ поповичъ, который живетъ у отца и ѣстъ отцовъ хлѣбъ, есть

митрополичъ; а который отдѣлился отъ отца, живетъ собою и ѣсть свой хлѣбъ, тотъ мой, великаго князя“. Этимъ опредѣленіемъ точнѣе, чѣмъ прежде, рѣшенъ былъ вопросъ, кто долженъ считаться человѣкомъ церковнымъ и кто—княжескимъ.

§ 13. *Памятники древне-русскаго каноническаго права.* Обратимся теперь къ обзору важнѣйшихъ памятниковъ церковнаго права, пропешедшихъ въ настоящій періодъ отъ самой духовной іерархіи, т. е. памятниковъ *каноническаго русскаго права*. Какъ мы уже знаемъ, русская церковь до половины XV в. находилась въ зависимости отъ константинопольскихъ патріарховъ и отъ нихъ получала своихъ митрополитовъ. Въ это время наши духовные іерархи и князья нерѣдко обращались къ патріархамъ съ вопросами по дѣламъ церковнаго управленія и дисциплины. Отсюда особымъ и довольно обильнымъ источникомъ древне-русскаго каноническаго права были—грамоты константинопольскихъ патріарховъ по дѣламъ русской церкви. Нѣкоторыя изъ этихъ грамотъ дошли до насъ въ современныхъ русскихъ переводахъ, но большая часть извѣстна только въ греческихъ подлинникахъ. Въ переводахъ сохранились: 1) грамота патріарха Луки Христоверга 1160 года къ владиміро-суздальскому князю Андрею Боголюбскому о канонической невозможности учредить во Владимірѣ митрополию низависимую отъ митрополіи кievской и всея Руси; 2) грамота патріарха Германа II къ кievскому митрополиту Кириллу I (1229 г.)—о непоставленіи холоповъ въ попы и діаконы и о невмѣшательствѣ князей и вельможъ въ дѣла церковнаго суда; 3) соборные отвѣты патріарха Іоанна Векка на вопросы сарайскаго епископа Феогноста, данные въ 1276 году; 4) грамота патріарха Нифонта тверекому князю Михаилу Ярославичу по поводу его жалобъ на митрополита св. Петра (1312—1315 г.); 5) грамота патріарха Нила, писанная около 1382 годъ въ Гсковѣ по поводу появленія тамъ еретической секты *стригольниковъ*, отвергавшихъ духовную іерархію на томъ основаніи, что всѣ духовныя власти и чины поставляются на свои степени „по мздѣ“, т. е. за денежную плату. Нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ, именно № 2 и 3, входили и въ составъ русскихъ Кормчихъ. Весьма характернымъ явленіемъ въ исторіи русскаго церковнаго права настоящаго періода представляется то, что

въ числѣ источниковъ этого права мы находимъ и грамоты византійскихъ императоровъ по дѣламъ русской церкви, и притомъ по дѣламъ первостепенной важности, какъ-то о раздѣленіи русской митрополіи на двѣ или о воссоединеніи ихъ опять въ одну. Объясняется это явленіемъ, что русская церковь, вслѣдствіе зависимости отъ константинопольскихъ патріарховъ, зависѣла и отъ тамошнихъ императоровъ, которымъ подчинены были патріархи. За императорами въ Византіи давно было признано право возводить простыя епископіи на степень митрополіи и такимъ образомъ раздѣлять одну митрополію на двѣ и болѣе. А такъ какъ русская митрополія считалась частію константинопольскаго патріархата, то императоры и считали себя въ правѣ относиться къ ней такъ же, какъ они относились и къ собственно греческимъ митрополіямъ, существовавшимъ на ихъ государственной территоріи. Такимъ образомъ принципы государственнаго византійскаго права, въ силу подчиненія русской церкви константинопольскимъ патріархамъ, какъ бы по необходимости простирали свое дѣйствіе и на нашу церковь.

Мѣстными органами развитія русскаго каноническаго права были:

1) *Соборы*. Они были или *митрополичьими*, представлявшими всю русскую церковь, или *епархіальными*. Первые всегдѣ чаще собирались митрополитами по поводу оставленія новыхъ епископовъ на вакантныя каѳедры, для чего по кореннымъ церковнымъ правиламъ, требуется непременно соборъ изъ двухъ или трехъ епископовъ (Ап. 1). Епархіальные же соборы были ежегодными. Они обыкновенно составлялись въ воскресенье на первой недѣли великаго поста, почему этотъ день и до сихъ поръ называется *соборнымъ* (т. е. соборнымъ) воскресеньемъ. Отъ настоящаго періода до насъ сохранились въ подлинникѣ постановленія только одного митрополичьяго собора, именно *Владимірскаго* на Клязьмѣ, созваннаго въ 1274 году митрополитомъ Кирилломъ II. Эти постановленія, изданныя въ формѣ поученія или окружнаго посланія названнаго митрополита, вѣроятно—вскорѣ послѣ ихъ изданія и по непосредственному распоряженію митрополита, внесены были въ составъ русскихъ *Кормчихъ*. Въ исторіи русскаго каноническаго права постановленія Владимірскаго

собора имѣютъ весьма важное значеніе. Въ нихъ приняты рядъ мѣръ, направленныхъ къ возстановленію церковной дисциплины, разшатавшаго монгольскимъ погромомъ, и къ искорененію разныхъ народныхъ пороковъ, отчасти перенятыхъ у тѣхъ же иновѣрныхъ завоевателей. Въ основаніе своихъ постановленій соборъ положилъ греческій номоканонъ, полученный митрополитомъ изъ Болгаріи въ новомъ славянскомъ переводѣ. Прежде всего вниманіе собора обращено было на неправильное замѣщеніе церковныхъ должностей: архіереи брали со ставленниковъ въ игумены, попы и дьяконы деньги, а немущихъ заставляли исполнять на себѣ разныя полевыя и домовыя работы. Осуждая эти злоупотребленія власти, соборъ не могъ, однако, искоренить старый антиканоническій обычай взиманія пошлинъ со ставленниковъ,—обычай, существовавшій и въ Греціи. Соборъ установилъ только максимальную таксу этихъ пошлинъ и при этомъ предписалъ епископамъ обращать вниманіе на умственныя и нравственныя качества ставленниковъ, запретилъ рукополагать лицъ, не достигшихъ каноническаго возраста, и рабовъ. Далѣе соборъ осудилъ духовенство за разныя отступленія отъ церковнаго устава при совершеніи крещенія и литургіи (§ 2, 4) и за пьянство, которому въ особенности предавалось новгородское духовенство (§ 5). Въ жизни народа соборъ замѣтилъ и осудилъ остатки разныхъ языческихъ обычаевъ, именно безчинныя игры наканунѣ праздниковъ (§ 3), народныя бои, не обходившіеся безъ смертныхъ случаевъ, обычай водить невѣсть къ водѣ и пр.

Постановленія ежегодныхъ епархіальныхъ соборовъ обыкновенно издавались въ видѣ окружнаго посланія или поученія мѣстнаго архіерея къ своему духовенству. Отъ настоящаго періода мы имѣемъ два такихъ поученія. Одно принадлежитъ новгородскому архіепископу Пльѣ, жившему во второй половинѣ XII вѣка. Это—дивный памятникъ древнерусской канонической литературы, живо рисующій намъ бытъ новгородской церкви и духовенства и разныя народныя обычаи того времени. ¹⁾ Другое поученіе — анонимное, но оно скоро сдѣлалось какъ бы обще-епархіальнымъ, такъ

¹⁾ Опъ изданъ въ октябр. книжкѣ Жур. Минист. Нар. Просв. за 1890 годъ и отдѣльною брошюрой.

какъ каждый архіерей читалъ его отъ своего лица на своемъ епархіальномъ соборѣ. Это поученіе, начинающееся словами „Слышите, преподобный іерейскій соборъ“, вошло въ составъ и многихъ русскихъ Кормчихъ. Наряду съ нимъ нужно поставить другое поученіе—тоже анонимное и тоже принятое во всѣхъ русскихъ епархіяхъ. Оно имѣетъ видъ инструкціи, даваемой архіереемъ каждому вновь поставленному священнику, съ краткимъ исчисленіемъ его служебныхъ обязанностей, и въ старину называлось „*свиткомъ сиротоніи*“. Мы уже знаемъ, что оно принято въ составъ печатной Кормчей (гл. 59) и еще въ нынѣшнемъ столѣтіи выдавалось каждому вновь поставленному священнику, при отпущеніи его на приходъ.

2) Наряду съ постановленіями соборовъ митрополичьихъ и епархіальныхъ, мы имѣемъ отъ настоящаго періода значительную массу источниковъ каноническаго права въ видѣ *каноническихъ отвѣтовъ и посланій отдѣльныхъ іерархическихъ лицъ*, митрополитовъ и епархіальныхъ епископовъ. Древнѣйшіе изъ такихъ источниковъ приняты были въ составъ Кормчихъ русской редакціи. Изъ нихъ особенно важны: 1) Каноническіе отвѣты русскаго м-та Іоанна II (послѣдней четверти XI вѣка) на вопросы какого-то монаха Іакова. Они даны были на греческомъ языкѣ, но, вѣроятно, переведены самимъ монахомъ Іаковомъ на русскій языкъ. Къ сожальнію, переводъ сдѣланъ весьма неудовлетворительно, а подлинникъ извѣстенъ только по нѣсколькимъ отрывкамъ. 2) Каноническіе отвѣты новгородскаго епископа Нифонта (въ первой половинѣ XII в.) на вопросы мѣстныхъ священниковъ Киррика, Саввы и Ильи (впослѣдствіи архіепископа новгородскаго). 3) Каноническія посланія митрополитовъ Максима и Алексѣя (XIII и XIV в.). Особенно много сохранилось весьма важныхъ по своему содержанію грамотъ и поученій двухъ русскихъ митрополитовъ: Кипріяна (конца XIV в.) и Фотія (первой полов. XV в.). Всѣ эти памятники представляютъ драгоценный матеріалъ для исторіи быта, воззрѣній, нравовъ и обычаевъ своего времени. Изъ нихъ видно, между прочимъ, какъ туго прививались къ жизни русскаго народа и самого духовенства законы и правила, содержавшіеся въ греческомъ помоканонѣ. Русскіе митрополиты и епископы XV, XVI и XVII столѣтій продолжали

еще бороться, и едва ли съ большимъ успѣхомъ, противъ тѣхъ же народныхъ обычаевъ, противъ которыхъ боролись и ихъ предшественники въ предыдущихъ столѣтїяхъ (напримѣръ противъ невѣнчанныхъ браковъ, многоженства, браковъ въ запрещенныхъ степеняхъ родства, повторительныхъ браковъ числомъ до семи и т. п.).

Всѣ указанные памятники русскаго каноническаго права, и греческіе и русскіе, собраны и изданы мною въ VI томѣ Русс. Истор. Библіотеки (СІБ. 1880).

А. Павловъ.
